

Государство и общество

Власть, бизнес и коррупция в Китае

© 2014

А. Виноградов

Рассматриваются фундаментальные черты и принципы формирования в Китае новой социально-политической модели развития в процессе экономических реформ, взаимодействие власти и бизнеса, эволюция авторитарной модели управления, связь коррупции, традиционного общества, рыночной экономики и государства.

Ключевые слова: Китай, КПК, политическая система, экономические и политические реформы, коррупция.

Принято считать, что главное достижение современного Китая — экономика. Особенно после того, как Китай превратился во вторую экономическую державу мира и по прогнозам в течение ближайших 15 лет станет первой. На мой взгляд, это все же не самое впечатляющее достижение. Еще 200 лет назад Китай был самой населенной страной, а его ВВП составлял примерно треть мирового. Не удивительно, что и сейчас самое многонаселенное государство претендует на обладание самой большой экономикой. Удивительно другое, как это государство управляет четвертью населения земного шара и несмотря на потрясения последних двух столетий сохранило целостность и продолжает развиваться.

Нет сомнений в том, что, по крайней мере частично, эти успехи являются результатом реформ, которые начало китайское руководство в конце 1970-х. Тогда, почти через 150 лет после начала «опиумных войн» Китай сохранился как независимое государство, но по-прежнему значительно отставал от внешнего мира. Главная причина этого заключалась в том, что на протяжении большей части XX в. его возрождению препятствовала вооруженная борьба между различными политическими силами за власть и право решать эту задачу.

Смерть Мао Цзэдуна символизировала конец периода революционных войн. Она позволила новому руководству изменить приоритеты и перенести главное внимание с политической борьбы на экономику. Одним из следствий этого стало то, что конфронтационность с внешним миром, от которого на протяжении полутора веков Китай защищался, сменилась открытостью, прежде всего, для получения современной техники и технологий. Историческое значение 3-го пленума (1978 г.) состоит в том, что он предопределил следующий шаг — вслед за техникой КПК согласилась на заимствование за-

падных методов управления и организации экономической жизни. Открытость и использование рыночных механизмов позволили Китаю соединить свое главное конкурентное преимущество — дешевую рабочую силу с интеллектуальными и природными ресурсами внешнего мира и найти свое место в глобальной экономике.

Неизбежным следствием экономических реформ стали изменения в структуре и характере общественных отношений. На протяжении тысячелетий китайское государство в интересах поддержания стабильности сдерживало социальные трансформации и с этой целью ограничивало инициативу, право на которую сохранялось только у государства. На этот раз начатые им реформы в корне изменили ситуацию. В 1979 г. Дэн Сяопин, говоря о развитии приморских районов, заявил: «мы не можем дать им денег, но мы можем дать им политику». Этот принцип в равной степени был использован для реформ в сельском хозяйстве, а затем и в городе. Предоставив инициативу индивидам, отдельным коллективам и регионам, государство санкционировало восстановление традиционных форм экономической жизни и общественно-политическую стабильность. Однако возврата к прежнему состоянию не произошло, потому что основой этого порядка стал провозглашенный государством экономический рост и рост личного благосостояния, а не социальная справедливость, которая на протяжении столетий лежала в основе социального порядка в Китае.

Проведение таких радикальных реформ было немыслимо без инициативы государства и участия государственной бюрократии — непосредственного носителя этой инициативы. Реформаторы наделили правом хозяйственной деятельности всех: провинции, крестьян, участников внешнеэкономических сношений и даже армию. Подавляющее большинство новых предприятий было учреждено местными властями, которые первыми воспользовались этим правом, но сами в бизнес не пошли. Они делегировали право на хозяйственную деятельность предпринимателям, а сами, так же как в императорском Китае, стали получать административную ренту. Но постепенно в отведенных государством экономических нишах стал формироваться предпринимательский класс, успех которого находился в прямой зависимости от близости к власти за счет личных, родственных и земляческих связей. Его появление в тех условиях, однако, не означало рождения полноценного социально-политического субъекта. С самого начала китайский бизнес был генетически связан с властью и не представлял для нее угрозы.

Между властью и бизнесом установились особые, доверительные отношения. Но в этих отношениях был заложен один системный изъян — коррупция. При переходе к рыночной экономике, особенно от плановой, свободное предпринимательство неизбежно имеет коррупционную составляющую, в которой проявляется подчиненное отношение бизнеса к власти любого уровня и покровительственное отношение власти к бизнесу. У коррупции две функции. Первая, общепризнанная, негативная, затрудняющая экономическое развитие. Вторая, о которой не принято говорить, социокультурная — позитивная, санкционирующая предпринимательскую активность населения и одновременно стабилизирующая отношения власти и бизнеса. На начальном этапе реформ вторая функция играет главную роль, она восполняет несовершенство правового режима, вводя специальные механизмы контроля за новой сферой жизнедеятельности. Использование служебного положения в личных целях означало появление особой формы взаимовыгодного совмещения личного и государственного интереса. Без этого совмещения предпринимательская инициатива индивида и рыночные реформы были бы невозможны. Поэтому целью борьбы с коррупцией на том этапе являлось не ее искоренение, а удержание в определенных рамках, потому что она была органической частью повышения экономической активности и создания параллельного с плановой системой свободного экономического пространства. Быстрая победа над ней означала бы уничтожение предпринимательской инициативы и возвращение к дореформенным временам. Именно поэтому все кампании по борьбе с буржуазной либерализацией в 1980-х годах были свернуты при активном

участии главных китайских реформаторов Ху Яобана и Чжао Цзяна, оба заплатились за это постами. Но результаты их политики не пропали даром.

Появление новых слоев не только изменило социально-экономическую, но и серьезно повлияло на социально-политическую жизнь, предполагая выработку новых принципов взаимоотношений власти и общества. Существовало два варианта решения этой проблемы: модернизация авторитарной системы или формирование новой, правовой, соответствующей многоукладной экономике. На XIII съезде КПК (1987 г.) впервые была предпринята попытка синхронизировать экономические и политические реформы и постепенно распространить свободы с экономической на политическую сферу, что полностью соответствовало классической западной традиции общественной мысли и марксизму, который в тот момент переживал ренессанс в Китае. Чжао Цзян планировал расширение внутривластной демократии, функций и роли ВСНП, малых демократических партий, он допускал даже создание их фракций и групп в ВСНП, т.е. шел в русле реформ в других соцстранах. Однако события на площади Тяньаньмэнь и в Восточной Европе напугали КПК, они указали на возможность иной социально-политической перспективы развития. Большинство в руководстве партии предпочло снижение темпов преобразований и было даже согласно на снижение темпов экономического роста во имя стабильности.

Но Дэн Сяопин избрал другое продолжение, он не позволил объединить политику и экономику ни по маоцзэдуновской модели, вернувшись к диктату политики и идеологии, ни по либеральной, допустив бизнес во власть. Зимой 1992 г. он принял решение не отказываться от асинхронности, а наоборот, усилить ее за счет углубления рыночных реформ, одновременно сохранив политическую монополию КПК. Дэн Сяопин тогда решил: сначала будем развивать рыночную экономику, не меняя власть, а результаты реформ направим на поддержание социально-политической стабильности и повышение авторитета государственной власти. Это ему удалось. В 1990-е, а затем и в 2000-е гг. рыночная экономика значительно продвинула Китай к достижению общенациональной цели возрождения, но и цена оказалась немалой. Роль бизнеса значительно выросла. В результате революции и реформ политический класс в лице КПК нашел путь к возрождению, но теперь по этому пути пошло предпринимательское сословие, создав предпосылки для возникновения политической конкуренции.

Перед КПК встала задача продолжить модернизацию экономики и одновременно осуществить реформирование политического механизма, чтобы сохранить динамизм экономического развития, с одной стороны, и стабильность социально-политической ситуации, с другой.

На начальном этапе обеспечивать стабильность и динамизм общественной системы удавалось за счет авторитета Дэн Сяопина, что называется «в ручном режиме». Приближение его неизбежного ухода требовало институализировать созданную систему. Задача состояла в том, чтобы перевести эффективную авторитарную модель в институциональную форму, избавить ее от случайностей, связанных с отдельным человеком. Т.е. надо было последовательно решить ряд задач, которые до этого были решены демократической системой.

Политические преобразования начались практически одновременно с экономическими — с ограничения срока и введения предельного возраста (около 70 лет) пребывания на высших должностях, а также периодической смены всего высшего партийно-государственного руководства. Другим элементом институализации стала процедура идеологической легитимизации нового поколения, жизненно необходимая в авторитарном государстве. «Идеи Мао Цзэдуна», «теория Дэн Сяопина», «тройное представительство» Цзян Цзэмина, «научный взгляд на развитие» Ху Цзиньтао обосновывали право Китая на самобытный путь и утверждали их авторов в качестве лидеров страны. Не менее важную роль играло усиление коллективного руководства и ограничение еди-

ноличной власти лидера, во-первых, со стороны старшего поколения, которое сохраняло авторитет и влияние в партии и государстве, во-вторых, внутри поколения узким кругом членов Постоянного комитета Политбюро. Это было еще не разделение властей, но уже разделение власти. Все это позволило создать эффективный механизм воспроизводства высшего руководства.

Одним из важнейших шагов по институализации сложившейся при Дэн Сяопине политической практики стала идея «тройного представительства» Цзян Цзэминя, согласно которой КПК представляет передовые производительные силы и всю китайскую нацию, что снимало ограничения на членство в компартии предпринимателей. Однако политически легализовав бизнес, КПК не стала наделять его политической субъектностью. Одновременно она поддержала деятельность малых демократических партий, чтобы не позволить сформироваться на их месте полноценной политической оппозиции и сохранить механизм «консультативной демократии». С 1979 г. их численность выросла почти в 15 раз. Создание рыночной экономики, таким образом, шло параллельно с повышением качества авторитарной власти.

В начале XXI в. система стала подвергаться воздействию новых вызовов. Раньше основная проблема режима заключалась в том, что уходя из жизни, лидер не оставлял после себя преемника. Дэн Сяопин решил эту проблему. С 2002 г. ситуация изменилась, лидер оставляет преемника, но и сам окончательно не уходит. После XVIII съезда КПК в политическом пространстве впервые стали функционировать сразу три вождя — два бывших генеральных секретаря (Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао), сохраняющие свое влияние, прежде всего на кадровую политику, и действующий генсек. Но и в этих условиях созданный механизм продемонстрировал эффективность. С целью компенсировать ситуационную слабость Си Цзиньпин был оперативно, всего за 4 месяца наделен всеми высшими постами (Генерального секретаря, Председателя КНР, председателя Военного Совета ЦК и Центрального Военного совета КНР). У его предшественника на это ушло 2,5 года. Была сокращена численность ПК ПБ с 9 до 7 человек с целью свести к минимуму возможности для возникновения группировок внутри высшего руководства. Его консолидации способствовал и персональный состав нового ПК ПБ, большинство в котором составляют дети и близкие родственники бывших высокопоставленных партийных чиновников, они принадлежат к так называемой шанхайской группировке, тесно связанной с Цзян Цзэмином.

Таким образом, главная заслуга предыдущего китайского руководства состоит в том, что, приведя общество в движение, оно смогло найти стабильные формы воспроизводства государственной власти и на практике доказало, что исход первого этапа радикальных преобразований зависит от качества власти, а ее важнейшим историческим достижением можно считать не успешные экономические реформы, а институализацию механизмов собственного обновления, которые и обеспечили последовательное проведение реформ на протяжении всего этого времени. Все эти годы Китай планомерно шел от авторитаризма к новому авторитаризму, институционально более насыщенному и поэтому более стабильному и динамичному. С точки зрения внутренних характеристик сейчас этот режим почти достиг совершенства. Но и этого может оказаться недостаточно на новом этапе развития.

На протяжении двух десятилетий с 1992 г. все свои проблемы — экономические, социальные и даже социально-политические, Китай решал за счет высоких темпов экономического развития. За эти годы китайские лидеры в значительной степени утратили навыки или, точнее, потеряли вкус к использованию других инструментов государственного управления, их политические функции ослабли, а идейно-политические средства постепенно превратились в ритуальную декорацию роста. В результате в обществе получили распространение новые ценности, произошла переориентация и самого руководства с идейно-политических методов управления на экономические. Из авторитарного

идеократического государства, где политика руководит экономикой, на протяжении всего периода реформ, особенно после 1992 г., Китай постепенно превращался в государство, где экономика руководит всем. Как только целью было признано не социальное равенство, а экономический рост, исчезли основания для социально-политической дискриминации предпринимательского класса. Началось активное проникновение в бизнес членов семей высшего руководства.

В результате возникли стабильные формы сочетания реформированной власти и модернизированной экономики, прежде всего, за счет семейной унии власти и бизнеса. Вновь возник характерный для азиатского способа производства единый супер-субъект — власть-собственность, который существовал на протяжении всей китайской истории и отсутствовал лишь в короткий промежуток 1950-х—1980-х гг. Но у возникшей унии было два ограничителя — время и идеология. Дети и внуки революционеров, связав себя с бизнесом, отдалялись от революционной легитимности современного китайского государства, которая не позволяла им встать во главе партии.

В этих условиях, отражая возросшую роль новых экономических слоев, накануне XVIII съезда премьер Госсовета Вэнь Цзябао настойчиво призывал провести политические реформы, т.е. вновь как и 25 лет назад, синхронизировать экономическое и политическое развитие. Реформа, предлагавшаяся бывшим премьером, не ставила под сомнение ведущую роль КПК, а предполагала легитимизацию сложившихся отношений и гарантировала безопасную и безболезненную взаимную конвертацию власти и собственности. Ее результатом была бы политическая легализация семейной унии, открывавшая перед представителями бизнеса возможность входить в руководство партии и государства. Однако общество оказывалось за пределами этого альянса. Вариант политической трансформации, предлагавшийся Вэнь Цзябао, таким образом, не мог получить ни широкой поддержки в обществе, ни поддержки партийных масс.

Формально отсутствие новых политических субъектов позволяло не приводить в соответствие авторитарную политическую надстройку и многоукладный экономический базис и по-прежнему ограничивать политические преобразования высшим эшелонам власти. Но реформы вызвали глубокие изменения в китайском обществе, которое быстро теряет статус традиционного. Политика «одна семья — один ребенок», изначально направленная на повышение уровня жизни, последовательно разрушала фундамент конфуцианского общества, которое начало эволюционировать от почитания старших, что было основой традиционного социального порядка, к обожанию младших. В результате индустриализации и роста численности городского населения разрушаются традиционные социальные связи. Быстро растет средний класс, который хотя и не имеет внятной политической позиции, все же обладает высоким уровнем образования, знает иностранные языки, выезжает за границу и в целом занимает активную жизненную позицию. Серьезные изменения происходят в сознании населения. Легитимизация инициативы и инноваций в ходе реформ разрушает ценность преемственности, которая была главной характерной чертой китайской цивилизации. Наконец, следствием коррупции стала монетизация власти, которая в условиях открытости позволяет вывозить за границу капиталы и привилегии (например, до самого последнего времени рождение второго ребенка), что подрывает нравственный авторитет партии и бросает вызов ее легитимности. В новой системе координат государство постепенно утрачивает сакральный характер и обусловленную им общественную поддержку и должно искать новую, на новых принципах.

В этой ситуации решения, которые были приняты 20 и более лет назад, потребовали коренного пересмотра. Выполнив свою историческую роль, коррупция начинает препятствовать честной конкуренции и повышению эффективности рыночной системы, тянет общество назад, в переходный период, поскольку может комфортно существовать только как посредник между двумя экономическими мирами — традиционным и современным.

До тех пор, пока коррупция реализовывала свою созидательную функцию, общество воспринимало ее как неизбежное зло и мирилось. Но как только темпы роста снизились, в обществе усилилось ощущение социальной несправедливости. На этапе становления рыночной экономики протест вызывали предприниматели, первыми начавшие повышать свой жизненный уровень и нарушившие, таким образом, социальное равенство, и чиновники, которые им в этом помогали. Теперь протест вызывают, прежде всего, государственные чиновники, которые нарушают принципы социальной справедливости, декларируемые государством. На начальном этапе государство с помощью чиновников создавало рыночную систему, теперь чиновники хотят ее эксплуатировать уже без государства. Этого же хочет бизнес. Таким образом, из фактора, стабилизирующего отношения власти и бизнеса, коррупция превратилась в фактор, дестабилизирующий отношения власти и общества.

Все это предопределило необходимость всеобъемлющей борьбы с коррупцией («ловить и тигров, и мух»), уже не удержания ее в определенных рамках, как раньше, а ее искоренения. Во-первых, потому что уже создан и может развиваться на собственной основе новый экономический механизм. Искоренение коррупции способно восстановить честную конкуренцию и повысить экономическую эффективность. Во-вторых, и это важнее, потому что негативные социальные последствия коррупции, которые раньше были нейтрализованы высокими темпами роста, сейчас становятся фактором общественной нестабильности. Проблема коррупции перемещается из области экономического строительства в область государственного управления. Мировой кризис с неожиданной стороны показал, что государство может быть слабым не только с отсталой экономикой, что было причиной начала экономических реформ в 1978 г., но и с искаженными принципами социальной справедливости. Наиболее актуальной становится задача оздоровить государство, поддержать авторитет власти в глазах населения и для этого лишить государственных чиновников незаслуженных привилегий.

Но сделать это будет непросто. Государство делегировало в новый экономический класс своих лучших представителей, прежде всего, детей, и теперь должно разорвать семейную унию власти и бизнеса, не травмировав ни власть, ни бизнес, и все это требует радикальной перестройки существующей общественной системы.

Проблема усугубляется тем, что созданная 20 лет назад ориентированная на экспорт экономическая модель, исчерпав запасы дешевого труда, приближается к пределу своих возможностей. Вслед за этим исчезает главное преимущество Китая на внешней арене. Мировой кризис ускориł этот процесс.

Именно кризисом экономической модели был вызван конфликт в руководстве КПК накануне XVIII съезда. Так же, как в конце 1980-х, возник выбор, но на этот раз уже не между демократизацией и усилением авторитаризма, а в рамках совершенствования авторитарной системы. Идеям Вэнь Цзябао, фактически предлагавшего привести политическую систему в соответствие с существующей экономической, оппонировал Бо Силай. Он предлагал возродить традиционные идейно-политические средства социального регулирования, усилить контроль за деятельностью бизнеса и борьбу с коррупцией, т.е. привести экономическую систему в соответствие с политической. Его призывы к восстановлению социальной справедливости вызвали у его коллег в Политбюро ассоциации с периодом политических кампаний, предшествовавших реформам, таких как «культурная революция». Но, главное, возвращение к распределительной модели угрожало экономическому росту. Неудивительно, что руководство КПК всеми силами и средствами попыталось исключить конфронтационную составляющую из своего курса и убрать Бо Силая. Именно в этой атмосфере возникла и получила официальный статус «китайская мечта» Си Цзиньпина, которая противостояла и либеральным политическим реформам, и возрождению идеологии классовой борьбы и закладывала фундамент для общенациональной консолидации. Идея возрождения Китая в отличие от борьбы за социальную справедлив-

вость объединяет, а не раскалывает общество. С появлением «китайской мечты» закончился «золотой век» китайских реформ, и началась эпоха «великого возрождения», которая предъявляет уже иные требования к качеству власти.

Так же, как в конфуцианском, в современном Китае обеспечить легитимность КПК невозможно без строгого следования принципам социальной справедливости, но справедливости не в отношении прав частной собственности, которая в общественном сознании несет печать незаконнорожденности, а в отношении личных и профессиональных качеств. Конфликт общества, власти и бизнеса может примирить только нравственно безупречная меритократия, освобожденная от наследственных уз власти-и-собственности, и способная связать традиционное общество с рыночной экономикой и динамичной современностью.

Перед Китаем вновь стоит выбор: окончательно уничтожить традиционное общество, к чему его подталкивает история последних десятилетий, или попытаться интегрировать конфуцианскую этику в современность, используя для этого партийные традиции идейно-политического воспитания, исправления стиля партии и т.д. Поскольку коррупция — это явление, принадлежащее миру традиционного общества, то она не может быть искоренена ни экономическими, ни правовыми способами, они только способствуют решению этой проблемы, но не решают ее. Проблема коррупции решается нравственным воспитанием, методами традиционной культуры, как в Сингапуре. Для того, чтобы успешно бороться с коррупцией, к ней нужно относиться как фактору развития, а не его побочному негативному продукту, только так можно будет задействовать потенциал традиционной культуры для решения современных задач.

Главный вопрос предстоящего десятилетия будет звучать, видимо, так: не утратил ли после 30 лет успешных реформ китайский управленческий класс способности принимать смелые решения, достаточно ли у него легитимности сделать стратегический выбор и в ближайшие 10–15 лет перейти к новой модели экономического развития, сохранив преемственность в политической сфере? Смогут ли Си Цзиньпин и Китай еще раз удивить асинхронностью?

Авторитарная система в Китае, вступив в период трансформации, неизбежно обнаружила общие моменты с преобразованиями в СССР. Но не только это связывает реформы в России и Китае.

Прикладная задача изучения социально-политических процессов в Китае заключается в лучшем понимании того, что происходит у нас в стране. Несмотря на то, что российские реформы следовали другому сценарию, политическое развитие в 2000-е гг. шло в направлении той же модели, что и в Китае, но с другой стороны. Созданные в 1990-е гг. демократические институты революционным образом ввели сменяемость, разделение властей, ограничили полномочия первого лица, т.е. другим способом добились того же, что и в Китае, но оказались неэффективны и нестабильны. Государство в России, сменив идеологию с коммунистической на либеральную, не поменяло идеократический характер. Это выразилось в том, что оно попыталось искусственно создать частную собственность — не за счет инициативы нарождающегося предпринимательского класса, а за счет перераспределения государственного имущества. Смена собственника в России так и не стала процессом созидания богатства, а осталась процессом его раздела. В результате появился сектор неэффективной экономики и безответственных собственников, вернувшись к состоянию, предшествовавшему реформам в СССР, реформаторы не смогли или не захотели, хотя, в отличие от Китая, имели такую возможность, создать собственную политическую партию, и по-прежнему предпочитают пользоваться государственным административным ресурсом, избегая и политической, и экономической, и любой иной ответственности.

На В. Путина легла задача перейти от неэффективной демократии к эффективной модели управления. Ему удалось то, что до него удалось Дэн Сяопину, но не удалось

Горбачеву и Ельцину — обеспечить смену курса, сохранив преемственность власти. С 2002 г. он последовательно сокращал неподконтрольное пространство политической борьбы. Упрощение этого пространства, повысив управляемость, усилило авторитарные тенденции. Избрание президентом Д. Медведева, создав новый центр силы и условия для конкурентной политической системы, сделало возможным продолжение реформ как в сторону демократизации, так и в сторону институализации авторитаризма. Но повторное избрание В. Путина означало, что эмпирически складывавшийся в рамках авторитарной системы механизм преемственности не был институализирован, отношения преемственности прерваны, а, возможно, их и не было вовсе.

Препятствием для институализации стал ряд несистемных факторов. Во-первых, возраст, позволивший В. Путину вернуться. Во-вторых, запрос на сильную фигуру, возросший вследствие мирового кризиса. Но были и системные причины. Во-первых, отсутствие ясной идейной платформы, сделавшее невозможной идеологическую легитимизацию преемника. И, во-вторых, отсутствие ясной кадровой политики и, как следствие, высокопрофессиональной государственной бюрократии, способной на процедурном уровне исправлять ошибки политического класса.

Те же самые проблемы: низкий авторитет власти, сращивание власти и бизнеса, коррупция, перемещение за границу капиталов, чиновников и членов их семей существуют и в России. Но шансов, что российское государство сможет их решить значительно меньше, потому что власть в России не модернизирована ни по китайскому, авторитарному, ни по западному, демократическому образцу.

Только потому, что российский политический класс и национальный интеллект — выбрали одну референтную точку, большинство считает Россию европейской страной. А китайстов часто упрекают за необъективность и чрезмерный оптимизм в отношении Китая. Но проблема как раз в том, что Китай как значимый элемент отсутствует в сравнительных исследованиях. Между тем, нам нужно понимать не только то, к чему мы официально стремимся, но и то, что мы трансформируем. И для этого Китай необходим. Как только мы поймем, что может существовать не одна эффективная модель, тогда, возможно, и у нас появится желание создать собственную, не менее эффективную.